

И. А. КРАВЧУК*

О ЧЕМ СМОЖЕТ РАССКАЗАТЬ «СТЕНОГРАММА ВОЛКОВОЙ»?¹

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, ГА РФ, «Идиот», стенограмма, А. Ф. Волкова, А. Н. Энгельгардт, женское движение, рецепция, народничество.

В статье рассмотрена проблема текстологической и историко-литературной интерпретации стенографической записи романа Ф. М. Достоевского «Идиот». Стенограмма находится в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ) и до сих пор не расшифрована. Место ее нахождения — дело А. Ф. Волковой, работавшей в химической лаборатории А. Н. Энгельгардта и арестованной вместе с ним и его женой 1 декабря 1870 г. по делу о сходках в Земледельческом (Лесном) институте. Документ известен исследователям Ф. М. Достоевского, но пока не становился предметом специального исследования. В статье реконструирована биография Волковой до 1870 г., восстановлены ее связи с кругом Энгельгардтов, рассмотрены другие архивные материалы из дела Земледельческого института, обоснована необходимость расшифровки и дальнейшего изучения стенограммы — как ценного источника по истории рецепции творчества Достоевского в среде шестидесятичной молодежи.

При работе с фондами ГА РФ обнаружен документ, который, как нам кажется, заслуживает внимания и занимает особое место в ряду тех материалов, которые связаны с именем и творчеством Ф. М. Достоевского, но до сих пор не введены в широкий научный оборот.

Это нерасшифрованная стенограмма «Из последнего романа Достоевского “Идиот”»². Стенографическая запись на 60 листах была изъята служащими III Отделения и полиции при обыске в ночь на 1 декабря 1870 г. у домашней учительницы Анны Федоровны Волковой. Вместе со стенограммой было также изъято множество личных писем и записок, а также другие документы, в том числе переписанный от руки оригинал “La Marseillaise” К. Ж. Руже де Лиля и подписанный

* Кравчук Игорь Александрович, магистр филологии, мл. научн. сотр. Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН — kolesovan@gmail.com.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект «Цифровой архив Ф. М. Достоевского», № 18–18–00263.

² ГАРФ. Ф. 95. Оп. 2. Д. 365.

экземпляр устава женского самообразовательного комитета. Неясно, где именно в руки полицейских попала стенограмма: 1 декабря обыски шли параллельно в нескольких местах. Сама А. Ф. Волкова была арестована на квартире у профессора Санкт-Петербургского земледельческого института А. Н. Энгельгардта вместе с самим профессором и его супругой Анной Николаевной Энгельгардт. Обыск, однако, был произведен и в особняке видного деятеля науки П. А. Кочубея, где Волкова непродолжительное время также нанимала комнату и пользовалась химической лабораторией.

Сама по себе стенограмма уникальной архивной находкой не является. Она уже оказалась в поле зрения наших коллег из Петрозаводского государственного университета, завершающих свой проект, посвященный стенографическим записям А. Г. Достоевской³. Впрочем, по понятным причинам записи Волковой остались в тени главного объекта исследования — стенограмм жены писателя. Расшифровка стенограмм требует долгого и кропотливого труда, овладения специальными навыками. «Стенографическое письмо лично, — предостерегают И. С. Андрианова и О. А. Сосновская, — стенограмму, в общем случае, может разобрать только тот, кто ее выполнил. Своя “система в системе” есть у каждой стенографистки»⁴. Кроме того, 1860-е гг. — время расцвета стенографии, подстегнутого судебной реформой, период споров о возможностях и перспективах стенографического письма, соревнования разных систем фиксации речи. Нормативная стенографическая система появится только в 1933 г.⁵ Следует при этом напомнить, что основная часть работы по расшифровке записей А. Г. Достоевской заняла больше десяти лет. Работа со стенограммой А. Ф. Волковой неизбежно предполагает расшифровку если не всех 60 листов, то хотя бы минимального объема текста, достаточного для того, чтобы определить, какой именно кусок романа был переписан исполнителем стенограммы. В свою очередь, чтобы удовлетворить этому требованию, необходимо определить, какой именно системой пользовался составитель стенограммы. Должны иметься веские причины взяться за такой труд, превосходящие естественное исследовательское любопытство. На наш взгляд, такие причины есть, и в настоящей статье мы попробуем изложить их, очертив круг проблем и задач, непосредственно связанных с волковской стенограммой. Для этого нам понадобится воссоздать (хотя бы в первом приближении) идейный и исторический контекст, в котором вообще мог появиться такой материал.

---

³ Стенографические записи А. Г. Достоевской: Новые материалы и исследования. [Электронный ресурс]. URL: https://petsu.ru/page/science/science_projects/stenograficheskie-zapisi-a-g-dosto (дата обращения: 31.07.2019).

⁴ Андрианова И. С., Сосновская О. А. Стенографическая система Анны Достоевской: Проблема дешифровки // *Неизвестный Достоевский*. 2018. №1. С. 51.

⁵ См.: Там же. С. 50.

Жизнь Анны Федоровны Волковой в исторической литературе освещена явно непропорционально ее научным заслугам. Наряду с Ю. В. Лермонтовой Волкова была одной из первых русских женщин-химиков, при этом мы, скорее всего, не имеем ни одного ее изображения, а биографические сведения о ней малочисленны и часто недостоверны. Так, будучи одной из видных учениц А. Н. Энгельгардта, стоявшего у истоков Русского химического общества и российской агрохимической науки, Волкова, как правило, ни словом не упоминается в биографических очерках, посвященных ученому и общественному мыслителю⁶. Долгое время главным источником информации об ученой являлись работы химика и историка науки Ю. С. Мусабекова. Согласно Мусабекову, год рождения Волковой неизвестен, скончалась же исследовательница в 1876 г. «В 1870 г. она перешла в технико-химическую лабораторию председателя Русского технического общества П. А. Кочубея, где под руководством Д. И. Менделеева вела лабораторные занятия со слушательницами Петербургских публичных курсов. <...> Волкова была принята в члены Русского химического общества (1870); она была первой женщиной, принятой в эту организацию. Н. А. Меншуткин привлекал Волкову к редактированию журнала Русского химического общества и к составлению рефератов для этого журнала. К Волковой с большим уважением относились Менделеев и Бутлеров. На III съезде русских естествоиспытателей в 1871 г. в Киеве Волкова сделала два доклада, была избрана председателем заседания, на котором выступали с докладами и в обсуждениях Менделеев, Бутлеров, Бекетов, Марковников, Бунге и др.»⁷. В другой публикации, частично посвященной Волковой, Мусабеков прибавляет, что за всю жизнь ученая смогла опубликовать «около двадцати статей и сообщений», а образцы полученных ею веществ в 1876 г. представлялись на Всемирной промышленной выставке в Лондоне⁸.

Сразу оговоримся, что собственно научные достижения А. Ф. Волковой и достижения других героев нашего исследования мы вынужденно выносим за скобки: их вклад в химическую науку неоспорим, вопросы химии не имеют отношения ни к нашей компетенции, ни к проблематике статьи. Тем не менее, ряд тезисов Ю. С. Мусабекова вызывает вопросы.

Прежде всего, как мы видели из показаний самой Волковой, она *не переходила* в лабораторию П. А. Кочубея, а работала параллельно в двух лабораториях. Это показывает, что сотрудничество Волковой

---

⁶ См., например: *Фаресов А. И.* Александр Николаевич Энгельгардт // Фаресов А. И. Семидесятники. Очерки умственных и политических движений в России. СПб., 1905. С. 3–171; *Нечужатов П. Я.* Александр Николаевич Энгельгардт. Очерк жизни и деятельности. Смоленск, 1957.

⁷ *Мусабеков Ю. С.* Юлия Всеволодовна Лермонтова (1846–1919). М., 1967. С. 8.

⁸ *Мусабеков Ю. С.* Первые русские женщины-химики // Химия и жизнь. 1968. № 3. С. 13.

с профессором Энгельгардтом не прерывалось вплоть до 1 декабря 1870 г. Положение о работе Волковой под началом Д. И. Менделеева тоже нуждается в архивной проверке. Во всяком случае, сам П. А. Кочубей в своих показаниях и в письме на имя шефа жандармов и начальника III Отделения П. А. Шувалова писал следующее: «5-го числа прошедшего ноября месяца перед заседанием химического общества, состоящего при Санкт-Петербургском университете, знакомый мне профессор Дмитрий Иванович Менделеев обратился ко мне с просьбой дозволить временно, в состоящей в моем доме химической лаборатории заниматься практическими работами лицам женского пола <...>. Просьба господина Менделеева была подкреплена другими знакомыми профессорами и членами химического общества.

На изъявленное с моей стороны сомнение в серьезном направлении таких занятий женским полом как убедительное доказательство была мне представлена помещенная в сентябрьской книжке “Журнала Химического общества” статья госпожи Анны Волковой <...>. Эта работа составляет в действительности такое полное и отчетливое исследование, что ни один из лучших химиков не отрекался бы подписать свое имя под подобным трудом⁹. Знал ли Д. И. Менделеев Волкову исключительно по лекциям и статьям или привлекал к сотрудничеству, — еще предстоит установить по личному архиву ученого. Показания Кочубея не дают однозначного ответа на этот вопрос. Стоит, однако, отметить высокую оценку Менделеевым профессиональных качеств Волковой и обратить внимание на то, что прямое или косвенное знакомство великого химика с талантливой исследовательницей приходится на конец 1860-х — начало 1870-х гг. В научной биографии Менделеева это переломное время — именно в эти годы он разрабатывает окончательно увекочивший его имя периодический закон.

Что касается членства А. Ф. Волковой в РХО, здесь мнения ее биографов расходятся. Современная исследовательница О. А. Валькова считает этот факт недоказанным: «Источник сведений Ю. С. Мусабеква в настоящее время неизвестен»¹⁰. Между тем членом РХО Волкова, если верить протоколу декабрьского ареста, называет себя сама¹¹. Если Мусабеков держал в руках протоколы ареста, обыска и допроса Волковой, то остается непонятным, почему советский историк прошел мимо многих других примечательных фактов ее биографии. Не менее интересно, как Мусабеков установил год смерти Волковой, пока что нигде, кроме вторичных источников, нам не встречавшийся. Валькова тоже указывает годом смерти 1876 и повторяет вслед за Мусабековым, что Волкова пришла в лабораторию Кочубея из лаборатории

⁹ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 434. Ч. 1. Л. 105 — 105 об.

¹⁰ Валькова О. А. Штурмуя цитадель науки: женщины-ученые Российской империи. М., 2019. С. 388.

¹¹ См.: ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 434. Ч. 1. Л. 19 об.

Энгельгардта¹². Среди иноязычных публикаций, посвященных А. Ф. Волковой, нужно упомянуть статью М. Р. С. Криз. Криз видоизменяет версию Мусабекова: по ее данным, в 1870 г. Волкова переносит свои занятия из энгельгардтовской лаборатории не к Кочубею, а непосредственно к Менделееву в Технологический институт¹³. Опять же сложно сказать, основано ли это утверждение на архивном источнике или это вольное переосмысление общеизвестного факта, что Д. И. Менделеев в 1870 г. занимал должность профессора Санкт-Петербургского практического технологического института. Криз также указывает публикации Волковой в *Zeitschrift für Chemie* в 1870 г.¹⁴

Благодаря делам из фонда 95 ГА РФ, биографические сведения об А. Ф. Волковой могут быть дополнены. На сегодняшний день нами изучено два архивных дела. Во-первых, дело 362, содержащее часть писем и записок, отправленных на имя Волковой в период с 1863 по 1869 г. включительно. Во-вторых, дело 434 — в нем и объединены материалы, собранные следственной комиссией по так называемому «делу Земледельческого института» или «О беспорядках и противозаконных сходках в Земледельческом институте». Начнем с последнего. О каком деле идет разговор?

В конце 1860-х — начале 1870-х гг. Земледельческий (будущий Лесной) институт в Санкт-Петербурге переживает бурный расцвет: в его стенах интенсивно работают многие талантливые ученые и студенты, создается одна из лучших в России химических лабораторий. Эти события, связанные с именами А. Н. Энгельгардта, П. А. Лачинова, П. А. Костычева, Н. Н. Соколова, Д. Н. Кайгородова, И. П. Бородина и других выдающихся ученых, безусловно, были воодушевлены как общественным подъемом, сопровождавшим реформы Александра II, так и живым интересом к естественным наукам вообще и к химии в частности, отличавшим шестидесятническую молодежь¹⁵. Вместе с тем бытовые условия студентов Земледельческого института были далеки от идеальных: нищенские стипендии, строгий внутренний распорядок, чрезвычайная удаленность Института от города¹⁶ — все это побуждало учащихся к самоорганизации. Силами студентов за короткий срок были созданы касса взаимопомощи, «библиотека студенческих руководств»,

¹² См. *Валькова О. А.* Штурмья цитадель науки. С. 625. Список публикаций А. Ф. Волковой на русском языке в «Журнале Русского физико-химического общества» за 1870–1872 гг. см.: Там же. С. 248–249. О выступлении Волковой на III Съезде русских естествоиспытателей см.: Там же. С. 626.

¹³ См.: *Creese M. R. S.* Early Women Chemists in Russia: Anna Volkova, Iuliia Lermontova, and Nadezhda Ziber-Shumova // *Bulletin for the History of Chemistry*. 1998. Т. 21. P. 19–20.

¹⁴ *Ibid.* P. 23, n. 9.

¹⁵ Об атмосфере тех лет см., например: *Кучеров М.* Памяти П. А. Лачинова // *Журнал русского физико-химического общества*. 1892. Т. 24. Вып. 8. С. 567–568.

¹⁶ См.: *Медведский Н.* Очерки по истории участия Лесного института в революционном движении. За четыре десятилетия // *Известия Ленинградского Лесного института*. Л., 1929. Вып. 37. С. 48–51.

кухмистерская. Наконец, в соответствии с духом времени, в студенческих номерах стали устраиваться вечера с чтением лекций, обсуждением литературных новинок, дебатами по общественным вопросам и танцами. Завсегдаем этих вечеров был и А. Н. Энгельгардт, поддерживавший дружеские отношения с большинством своих подопечных.

Учащиеся Земледельческого института не остались в стороне от массовых студенческих волнений конца 1860-х — начала 1870-х гг. На это у них имелась своя, конкретная причина: обеспокоившись «неумеренной» самостоятельностью студентов, дирекция института ужесточила его внутренний распорядок, запретив молодым людям собираться с гостями позже 12 ночи, покидать территорию в неположенное время, принимать у себя женщин. Меры, предложенные дирекцией, возмутили студентов: на сходках осенью 1870 г. сначала было решено коллективно подать заявления о выходе из института, затем было решено продолжать учиться, но при этом открыто игнорировать новый регламент.

К этому времени III Отделение уже давно вело слежку за студенческими кружками в Лесном. В общество студентов был внедрен агент-provokator, аккуратно присутствовавший на всех сходках и отправлявший донесения, в которых студенческая жизнь выставлялась в требуемом охранному отделению свете. «Разработку» подозреваемых, по всей видимости, ускорили три фактора. Во-первых, сближение студентов Земледельческого института с участниками освободительных молодежных кружков — в частности, с ишутинцами и чайковцами. В бумагах следственной комиссии под председательством генерала П. П. Ланского особо выделяются имена М. А. Натансона и зачисленного в институт в 1870 г. А. Е. Сергиевского, связанного с так называемой «Сморгонской академией»¹⁷. Следствие настойчиво стремилось связать студенческую активность в Лесном с «нечаевским» и «Елизаветградским» делами — громкими политическими процессами конца 1860-х гг. Согласно донесению provokatora, студент А. Коленко, узнав об иностранном подданстве своего собеседника, якобы попросил его: «Убейте нашего царя»¹⁸. Во-вторых, пристальный интерес III Отделения к собраниям в институте, безусловно, подогревался ненадежной репутацией самого А. Н. Энгельгардта и его супруги в глазах охранки. Согласно формулярному списку, в октябре 1861 г. Энгельгардт, тогда еще артиллерийский офицер, «за участие в беспорядках, произведенных студентами С.-Петербургского Университета 25 и 27-го Сентября того же года, и за нарушение при том воинской дисциплины был предан военному суду при С.-Петербургском ордонансгаузе арестованным, по которому оказался виновным в неисполнении предложения полицмейстера

---

¹⁷ См.: *Кириллов В. Л.* Революционный терроризм, которого не было: Тайное общество «Сморгонская академия» в русском революционном движении 1860-х гг. М., 2016. С. 177–179.

¹⁸ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 434. Ч. 1. Л. 148.

полковника Золотницкого удалиться от здания С.-Петербургского университета во время сходки студентов этого университета...»¹⁹ В начале 1860-х гг. Энгельгардт сотрудничал у П. И. Вейнберга в издательской артели журнала «Век» и вышел из нее после конфликта с редактором издания Г. З. Елисеевым. Позицию Энгельгардта поддержали несколько других членов артели, в том числе видные деятели революционного движения Н. А. Серно-Соловьевич и Н. В. Шелгунов²⁰. Приблизительно в это же время Энгельгардт ненадолго сближается с «Землей и волей»: молодой поручик знакомится с П. Л. Лавровым и Н. Г. Чернышевским²¹. По делу Лаврова Энгельгардт давал показания в 1866 г.²² Впрочем, если доверять мемуарам Л. Ф. Пантелеева, к программе землевольцев ученый охладел уже в 1862 г. Когда Пантелеев обратился к Энгельгардту, желая связаться через него с руководством «Земли и воли», тот ответил, «что никакого центра не знал, да, вероятно, его и не было, что вообще он не верит в русскую революцию и т. п. Все это было высказано раздражительным тоном, в котором проглядывало даже озлобление»²³.

Куда более плодотворным было сотрудничество с землевольцами жены химика — Анны Николаевны Энгельгардт. Переводчица, мемуаристка, критик и публицист, она в соавторстве с П. Л. Лавровым работала над уставом общества поощрения женского труда в 1863 г., принимала участие в деятельности Литературного фонда²⁴, наконец, первой из женщин встала за прилавок книжного магазина Н. А. Серно-Соловьевича и А. А. Черкесова²⁵.

Третий важный мотив, явно направлявший действия III Отделения и комиссии Ланского, — карьерный. В донесениях агентов и служебной переписке невооруженным глазом видно желание с самого начала поместить собрания в Земледельческом институте в контекст большой и разветвленной антигосударственной интриги. Составители донесений не скупаются на колоритные детали и «правильные» выводы. Так, уже в самом начале формальным поводом для расследования

---

¹⁹ Энгельгардт А. Н. Из деревни. 12 писем. СПб., 1999. С. 717 [нахзап].

²⁰ Козьмин Б. П. Артельный журнал «Век» // Козьмин Б. П. Из истории революционной мысли в России. Избранные труды. М., 1961. С. 73–74; Шелгунов Н. В. Воспоминания // Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л. Воспоминания: В 2 т. Т. 1. М., 1967. С. 171.

²¹ Тихонова А. В. Семья Энгельгардтов и ее родословная // Энгельгардт А. Н. Из деревни. С. 618–619.

²² Володин А. И., Итенберг Б. С. Лавров. М., 1981. С. 127.

²³ Пантелеев Л. Ф. Воспоминания. М., 1958. С. 310.

²⁴ Мазовецкая Э. И. Анна Энгельгардт. СПб., 2001. С. 48–54.

²⁵ «Встать женщине за прилавок было тогда так же необыкновенно, как лицеисту, служащему в Государственном совете, сделаться купцом. <...> тогда и стоянье за прилавком было идейным делом, было практической пропагандой нового поведения, демократическим отрешением от сословности и предрассудков, прав рождения» (Шелгунов Н. В. Воспоминания. С. 134). Об истории магазина см.: Ильина А. А. История библиотеки Черкесова. СПб., 1995.

становится репутация «некоторых профессоров» у радикально настроенных студентов: якобы, по их мнению, «Энгельгардт и Лачинов такие радикалы, каких Россия еще не имела, и такие гениальные люди, что они с самой незначительной партией в состоянии взволновать всю Россию»²⁶. По утверждению агента, студент А. Коленко после ареста профессора рассказал: «Энгельгардта арестовали потому, что он был замешан еще в 1861 г. По рукам некоторых студентов ходила прокламация, напечатанная за границей, в которой сказано, чтоб истребить всю царскую фамилию и его самого»²⁷.

Спустя годы сам Коленко комментировал «энгельгардтовское дело» так: «...ничего политического, направленного против царизма, здесь не было, 3-му отделению нужно было найти предлог избавиться от слишком популярного профессора, известного в Петербурге и находившегося в хороших отношениях со студентами, что было доказательством его неблагонадежности. Попутно нужно было освободить Институт от нескольких студентов, активных участников сходок и литературных вечеров, на которых иногда произносились отнюдь не верноподданические речи»²⁸. Со своим бывшим однокашником соглашался В. Ф. Котельников. В Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) хранится авторизованная машинопись статьи Котельникова «Дело об аресте и высылке в Смоленскую губернию профессора Земледельческого института А. Н. Энгельгардта». В статье разгром института объясняется личной неприязнью жандармского начальства и великого князя Михаила Николаевича к химику. По версии Котельникова, великий князь, занимавший должность генерал-фельдцейхмейстера (т. е. главнокомандующего артиллерией) собственноручно вычеркнул Энгельгардта из списка приглашенных на юбилейные торжества 1870 г. в Михайловском артиллерийском училище, памятуя о его былых политических «прегрешениях». Этот жест вспыльчивый Энгельгардт счел персональным оскорблением и потребовал справедливости у военного министра Д. А. Милютина, что было сочтено непростительной дерзостью уже при дворе. «Будь Александр Николаевич покладистее <...> никакого, якобы политического дела не возникло бы»²⁹.

Судить о достоверности этого сюжета мы не можем, это и не входит в наши задачи. Нельзя не признать правоту Котельникова в том, что для большинства современников, знавших семейство Энгельгардтов, их арест стал полной неожиданностью, чем-то совершенно необъяснимым. 4 декабря 1870 г. А. В. Никитенко оставляет запись в дневнике:

---

²⁶ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 434. Ч. 1. Б/н.

²⁷ Там же. Л. 147 об. — 148.

²⁸ Коленко А. Воспоминания о Петербургском Земледельческом и Лесном институте в период времени 1869 и 1870 гг. // Известия Ленинградского Лесного института. Л., 1929. Вып. 37. С. 52.

²⁹ РГАЛИ. Ф. 572. Оп. 2. Ед. хр. 29. Л. 5–6.

«Энгельгардта, его жену и жившую с ним девицу Волкову арестовали. Арестованы также пять или шесть студентов Земледельческого училища. В чем их обвиняют, я еще не слышал. А мы в сегодняшнем заседании Академии наук присудили Энгельгардту Ломоносовскую премию за его труд по химии»³⁰. 25 декабря, явно под впечатлением от событий в Лесном, Никитенко записывает в дневнике: «Сочиняются заговоры по всем правилам полицейского искусства или ничтожным обстоятельствам придаются размеры и характер заговоров»³¹. В материалах комиссии Ланского находим много выразительных примеров подобного обращения с фактами, достойного антиингилистических романов: «...кружок, где заявляются такие мысли, преступность которых выходит из всяких границ; где цинизм и ругательства выражаются с невероятным хладнокровием, доказывающим, что они вполне вошли в привычку»³².

Несмотря на все затраченные усилия, составить из собранных материалов полноценный антиправительственный заговор охранке так и не удалось. Во время допросов выясняется, что «цинизм и ругательства» выражались преимущественно в дискуссиях по женскому и артельному вопросу, модному роману Ф. Шпиллгагена «Один в поле не воин», лекциях по конституционному праву, сочинениям Г. Спенсера, Ф. Лассаля и А. П. Щапова, вкладу в русскую литературу Писарева, Добролюбова и Чернышевского. Разбирались и хозяйственные проблемы, связанные со взносами на библиотеку и стипендиями, питанием студентов. О создании подпольной революционной организации речи не шло. Большинство арестованных спустя несколько недель пребывания в Петропавловской крепости были выпущены на свободу. Профессор П. А. Лачинов на год был отстранен от работы. Наиболее сурово поступили со студентом П. П. Червинским (Чирвинским), высланным под надзор полиции в Архангельскую губернию. А. Н. Энгельгардт с 5 декабря 1870 г. был уволен из Земледельческого института, а с февраля 1871 г. выслан навечно в свое имение в деревню Батишево, Дорогобужского уезда Смоленской губернии³³. Анна Энгельгардт и А. Ф. Волкова были освобождены из-под стражи, согласно постановлению следственной комиссии, 12 декабря 1870 г.³⁴ (таким образом, утверждение Э. И. Мазовецкой, что Энгельгардт была освобождена лишь «через полтора месяца из-за отсутствия улики»³⁵, не соответствует действительности). За А. Ф. Волковой было при этом учреждено негласное полицейское наблюдение, кроме того она дала подписку «об обязательстве

³⁰ Никитенко А. В. Дневник: В 3 т. М., 1956. Т. 3. С. 190.

³¹ Там же. С. 191.

³² ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 434. Ч. 1. Л. 15 об.

³³ См.: Энгельгардт А. Н. Из деревни. С. 716–717 [нахзац].

³⁴ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 434. Ч. 1. Л. 198.

³⁵ Мазовецкая Э. И. Из истории переводов Э. Золя в России (А. Н. Энгельгардт) // Русская литература. 1974. № 1. С. 186.

ко мне с просьбою допустить ее заниматься в лаборатории института»³⁹. Энгельгардт дал понять девушке, что доступ к институтской лаборатории ей заказан, поскольку пользоваться ею могли только официально зачисленные студенты, а не вольнослушатели. Вместо этого профессор предложил Волковой лабораторию в своем собственном кабинете, куда он имел право пускать кого угодно и куда, в свою очередь, никто не мог проникнуть без его ведома и разрешения. В разговоре со следователем Энгельгардт особо подчеркивает свои профессорские полномочия: предположительно, он хочет отвести от себя и Волковой подозрения в нарушении устава института, чему, как мы уже убедились, комиссия с самого начала придавала политическую окраску. Также из этого следовало, что Волкова не могла регулярно общаться со студентами и, следовательно, не могла быть втянута в какую-либо подрывную деятельность, даже если, с точки зрения комиссии, она и велась. Энгельгардт приводит в пример коллегу Волковой — Ю. В. Лермонтову, которая точно так же, на правах вольнослушательницы, посещала лабораторию Р. В. Бунзена в Гейдельбергском университете. При этом он сообщил, что ничего не рассказывал о своей подопечной директору института Е. А. Петерсону и предположил, что Петерсону о ней ничего не известно⁴⁰.

Весьма примечательно упоминание Энгельгардтом профессора Медико-хирургической академии В. Л. Грубера (1814–1890), читавшего лекции по кафедре описательной анатомии. Грубер был одним из первых академических преподавателей в Петербурге, открывших женщинам свободный доступ на лекции и показательные опыты. Посещение занятий по физиологии, анатомии и химии выдает в Волковой характерную представительницу шестидесятнической молодежи⁴¹. П. А. Лачинов, также знавший Волкову, прибавлял к показаниям Энгельгардта, что девушка мечтала «посвятить себя медицине» и считала, что будущему врачу после курса анатомии необходимо прослушать курс химии⁴². Сошлемся также на записку, подготовленную историком и переводчицей Н. А. Белозерской для книги воспоминаний В. В. Стасова: «Основная задача лиц, занятых женским вопросом, представлялась неразрешенной, несмотря на видимое стремление женщин к приобретению научных знаний. Наиболее энергичные между ними при содействии профессора Грубера проникли для практических занятий в Медико-хирургическую академию»⁴³. Далее среди наиболее преуспевших

³⁹ Там же. Ч. 2. Л. 4 об.

⁴⁰ См.: Там же. Л. 5.

⁴¹ См., например: *Мечников И. И.* Этюды оптимизма. М., 1988. С. 8; *Чайковский Н. В.* Религиозные и общественные искания. Париж, 1929. С. 36–38; *Водовозова Е. Н.* На заре жизни. Воспоминания. СПб., 1911. С. 492–493, и многие другие мемуарные и исторические источники.

⁴² ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 434. Ч. 2. Л. 10 об.

⁴³ *Стасов В. В.* Надежда Васильевна Стасова. Воспоминания и очерки. СПб., 1899. С. 158.

женщин, занимавшихся у Грубера, Белозерская называет имена Надежды Прокофьевны Сусловой⁴⁴, А. Ф. Волковой, сестер Е. и Н. И. Корсини, Е. В. Богдановой. Среди учениц Грубера следует упомянуть и В. А. Кашеварову-Рудневу — первую женщину, официально признанную врачом в России⁴⁵. Не менее характерен факт последовательного посещения Волковой занятий у профессоров Медико-хирургической академии и Земледельческого института. Оба этих учебных заведения принадлежали, по выражению О. В. Аптекмана, к «очагам студенческих волнений вообще и носителям революционных традиций в частности». «...от них веяло, — продолжал Аптекман, — демократическим нигилизмом 60-х годов, слышались явственные отголоски того времени»⁴⁶. Таким образом, А. Ф. Волкова в конце 1860-х гг. захвачена наиболее влиятельными молодежными течениями. Посещала ли она при этом студенческие вечеринки в Лесном, неясно. С одной стороны, Волкова несколько старше основной массы студентов Энгельгардта и поглощена работой, изучением химии, участием в кружках женского самообразования (о чем речь впереди). Во всяком случае, она вряд ли могла быть постоянной участницей собраний. Желание Энгельгардта выгородить талантливую ученицу, не вовлекать ее в политическое следствие, очевидно и объяснимо, тем более очевидно нежелание Волковой давать показания себе во вред. Осведомитель III Отделения сообщал, что на собрании 16 ноября 1870 г. «были Энгельгардт с женою, Лачинов с женою, Гончарова, Волкова и еще пять нигилистов. Жены профессоров Энгельгардта и Лачинова вполне преданы нигилистическому направлению и ведут безнравственный образ жизни»⁴⁷. Заслуживает ли это сообщение доверия историка? В свете цитат из агентурных донесений, приведенных нами ранее, очевидна по меньшей мере предвзятость, тенденциозность такого описания. Обратим внимание на то, чем завершается рассказ осведомителя о вечере 16-го числа: «Нигилистки, бывшие на сходке, ночевали в здании института». Здесь явно содержится намек, во-первых, на грубое нарушение устава, во-вторых, на тот самый «безнравственный образ жизни». Еще цитата: «Чтобы ввести на эти вечера <sic!> женский элемент, они (Энгельгардт и Лачинов. — И. К.) <пристроили?> при Институте нигилистку Волкову, которая обещала привести на вечера своих подруг и знакомых. Вопреки уставу Института Волкова занимается вместе со студентами, избрав своим занятием работы в химической

⁴⁴ Увы, встретиться у Грубера А. Ф. Волкова и Н. П. Сулова не могли: в 1864 г., когда Волкова еще только занималась братом и переездом из Москвы в Петербург, Сулова уже поступила в Цюрихский университет.

⁴⁵ См.: *Дионесов С. М.* В. А. Кашеварова-Руднева — первая русская женщина — доктор медицины. М., 1965. С. 44, 46–47, 60.

⁴⁶ *Аптекман О. В.* Зачатки культурного народничества в 70-х годах // Историко-революционный сборник: В 3 т. М.; Пг., 1924. Т. 1. С. 13–14

⁴⁷ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 434. Ч. 1. Л. 10 — 10 об.

лаборатории»⁴⁸. Интересно и то, что в просмотренных нами протоколах допросов, составленных со слов арестованных студентов, имя Волковой не упоминается, хотя каждому задержанному выдавался обязательный к заполнению опросный лист, в одном из пунктов которого требовалось рассказать обо *всех* своих знакомствах в Петербурге. О Волковой не вспомнил даже П. Г. Лосев (1850–1926) — выходец из крестьянской семьи, взятый А. Н. Энгельгардтом для неквалифицированной работы в институтскую лабораторию. Юноша оказался талантливым самоучкой — довольно скоро он становится лекционным ассистентом Энгельгардта, а затем и штатным лаборантом института. Те, кому довелось работать с Лосевым и быть с ним близко знакомым, вспоминали, что благоговейное отношение к профессору тот сохранил на всю жизнь, и отношения между ними были почти дружеские. Из материалов следственной комиссии и многочисленных показаний известно, что Энгельгардт и Лачинов были гостями на лосевских именинах. Лосев наверняка помогал профессору не только в аудитории или в лаборатории института, но и в его *персональной* лаборатории, а значит, наверняка встречал и Волкову. На это же указывает и его биограф: «...П. Г. Лосев прекрасно знал и о том, что беседы и лекции Энгельгардта в Институте посещались нередко посторонними лицами и курсистками, главным образом с Аларчинских курсов, что в Земледельческом институте очень строго преследовалось. На допросе П. Г. Лосев отговаривался незнанием этого»⁴⁹. В сноске М. М. Юрьев развивает свою догадку: «Интересно упоминание Лосевым (в личной беседе. — *И. К.*) Аларчинских курсов. Не бывала ли на лекциях Энгельгардта С. Л. Перовская, которая как раз в то время была на Аларчинских курсах и сильно увлекалась химией?»⁵⁰ Остановимся на этом подробнее.

Действительно, будущий член Исполнительного комитета «Народной воли» Софья Перовская в 1869 г. зачисляется на Аларчинские курсы, где читал лекции в том числе А. Н. Энгельгардт. Вместе с преподававшим математику А. Н. Страннолюбским Энгельгардт заключил с несколькими курсистками соглашение о дополнительных занятиях по своему предмету. Кроме Перовской, наиболее активно на предложение о внеплановых лекциях откликнулись А. И. Корнилова, А. П. Корба, С. А. Лешерн фон Герцфельд, А. К. Вильберг⁵¹ — все они впоследствии ушли в революционное движение. Первый этап занятий прошел летом в Лесном, на квартире у А. Н. Энгельгардта. Затем, уже осенью 1870 г., курсистки договорились с профессором о возобновлении лекций в частном порядке, на квартире у сестер Корниловых.

⁴⁸ Там же. Л. 6.

⁴⁹ *Юрьев М. М.* Памяти Петра Григорьевича Лосева // Известия Ленинградского Лесного института. Л., 1927. Вып. 35. С. 49.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ См.: *Троицкий Н. А.* Софья Львовна Перовская. Жизнь. Личность. Судьба. М.; Саратов, 2018. С. 105–110.

Посредником в переговорах выступила именно А. Ф. Волкова, о чем рассказала следственной комиссии сама⁵². Подтвердил это в своих показаниях и сам А. Н. Энгельгардт⁵³. При этом разные источники по-разному характеризуют участие Волковой в организации занятий. Сама Волкова вспоминала, что А. И. Корнилова обращалась к ней в Лесном «для справок по части химии» и сама поинтересовалась, не сможет ли профессор продолжить с ними заниматься осенью. О том, что Волкова передала ему предложение курсисток, говорил и Энгельгардт. Но А. И. Корнилова-Мороз в своих мемуарах о Перовской расставляет акценты по-другому: «В конце октября, если не ошибаюсь, ассистент по химии Волкова, руководившая нашими занятиями в лаборатории, сообщила, что профессор А. Н. Энгельгардт предлагает прочитать в частной квартире курс органической химии»⁵⁴.

Первая лекция на квартире у Корниловых оказалась последней. Через неделю Энгельгардт и Волкова уже были под арестом. На единственной «корниловской» лекции Волкова присутствовала: «Предмет урока состоял в изложении того, чем занимается химия вообще. Я желала слушать эти уроки с целью познакомиться со способом изложения»⁵⁵. Это признание дополняет картину интересов Волковой: человек своего времени, она стремилась не только к научной, но и к педагогической деятельности. По ее показаниям, за полторы недели до ареста она арендовала комнату и лабораторию у П. А. Кочубея с целью подготовки реактивов «для желавших начать свои занятия»⁵⁶. Волкова подтверждает, что Кочубей принял ее по личной просьбе Д. И. Менделеева, а вот «деньги на реактивы получила от г. Стасовой»⁵⁷.

Речь идет о Надежде Васильевне Стасовой (1822–1895) — одной из ключевых фигур в российском женском движении XIX в. От нее Волкова получает не только деньги на реактивы, но и «проект устава о дежурстве на лекциях и отчета по ним»⁵⁸. По-видимому, речь идет об экземпляре документа, подписанном лично для Волковой, в котором описаны план расширения некоего «комитета», обязанности председателя, помощника председателя, казначея и других членов правления; в самом деле, оговорены и дежурства по лекциям⁵⁹. Судя по организационной структуре, приведенной в документе, едва ли предполагалось, что деятельность комитета будет сводиться исключительно к пересказу

---

⁵² См.: ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 434. Ч. 1. Л. 196 об.

⁵³ Там же. Ч. 2. Л. 5 об.

⁵⁴ *Корнилова-Мороз А. И.* Перовская и кружок чайковцев // Революционеры 1870-х годов: Воспоминания участников народнического движения в Петербурге. Л., 1986. С. 65.

⁵⁵ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 434. Ч. 1. Л. 196 об.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же. Л. 196 — 196 об.

⁵⁹ См.: ГА РФ. Ф. 95. Оп. 2. Д. 362. Л. 42–43.

лекций. В бумагах Волковой есть еще один документ, в котором упомянут какой-то «комитет» — это записка от некоей С. А. Кареевой о «собрании членов Комитета», назначенном на пятницу 13 ноября⁶⁰. Речь, скорее всего, идет о 13 ноября 1868 г. Та же С. А. Кареева 27 апреля отправляет Волковой письмо, в котором сообщает, что «г. Пашутин согласен <продолжать> цикл лекций; он просит назначить среду и субботу в 1 пополудни»⁶¹. Здесь имеется в виду В. В. Пашутин (1845–1901) — талантливый ученик И. М. Сеченова, патофизиолог, выпускник Медико-хирургической академии. Вполне возможно, что загадочный комитет, чьи уставные документы хранились у А. Ф. Волковой, был комитетом или кружком вольнослушательниц академии, подобно тому, какой сложился позже в среде слушательниц Аларчинских курсов.

Не менее значимы для реконструкции биографии нашей героини два документа из дела № 362. Первый документ — записка: «В редакцию журнала *Учитель*. На углу Большого проспекта и 8 линии, дом *Гедике*, на Васильевском острове. *Анне Федоровне Волковой*»⁶². Второй — короткое деловое письмо Волковой от Ф. Ф. Резенера (1825–1881) — одного из авторов журнала, видного педагога и писателя, члена Комитета грамотности при Вольном экономическом обществе.

Какую должность исполняла А. Ф. Волкова в «Учителе» и была ли она автором издания, нам пока не удалось выяснить. Однако сам факт ее сотрудничества в редакции журнала важен. Издателем и редактором педагогического ежемесячника был И. И. Паульсон (1825–1898) — один из виднейших деятелей народного просвещения в дореволюционной России, входивший, среди прочего, и в круг попечителей Аларчинских курсов.

Безусловно, знакомство и плодотворное сотрудничество с А. Н. Энгельгардтом и Н. В. Стасовой связывают Волкову и с Анной Николаевной Энгельгардт (1838–1903). В частности, Энгельгардт стояла у истоков Общества (артели) переводчиц, наряду с самой Стасовой, Н. А. Белозерской, Е. Г. Бекетовой, Е. А. Штакеншнейдер и многими другими. «Консультантами и рецензентами переводческой артели выступали <...> А. М. Бутлеров, А. Н. Бекетов, В. В. Стасов, И. М. Сеченов, М. Е. Салтыков-Щедрин»⁶³.

Салтыков-Щедрин — дальний родственник и друг Энгельгардтов — сыграл особую роль в судьбе Анны Николаевны. Прежде всего, Щедрин поддержал ее после ареста и высылки мужа⁶⁴. В 1873 г. под редакци-

⁶⁰ Там же. Л. 41.

⁶¹ Там же. Л. 30.

⁶² Там же. Л. 73.

⁶³ *Баренбаум И. Е.* Из истории русских прогрессивных издательств 60-х — 70-х гг. XIX века (женская издательская артель М. В. Трубниковой и Н. В. Стасовой) // Книга. 1965. Вып. 11. С. 231.

⁶⁴ См., например, письмо в комитет Литературного фонда от 9 апреля 1871 г. (*Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. соч.: В 20 т. М., 1976. Т. 18. Кн. 2. С. 79–80).

ей Щедрина Энгельгардт работала над переводом романа Дж. Элиот «Миддлмарч». По версии Э.И. Мазовецкой, писатель воспользовался своими связями, чтобы вывести Энгельгардт из-под удара после заточения в крепость Н.А. Серно-Соловьевича⁶⁵. Для нашего исследования связь семейства Энгельгардтов с Салтыковым-Щедриным ценна именно тем, что в день ареста на квартире профессора Земледельческого института находят стенограмму отрывка из романа «Идиот» — произведения, которое, как известно, заслужило комплименты Щедрина в его рецензии на роман И.В. Омулевского «Шаг за шагом»⁶⁶. Рецензия будет опубликована лишь в апрельской книжке «Отечественных записок» за 1871 г., но реакция Щедрина на роман Достоевского могла быть известна Анне Николаевне Энгельгардт задолго до этого момента.

Глубокие, дружеские взаимоотношения Анны Энгельгардт и Ф.М. Достоевского — не тайна для литературоведов. Однако основными источниками, по которым мы можем воссоздать картину этих взаимоотношений, остаются мемуары Е.А. Штакеншнейдер⁶⁷, письмо самой А.Н. Энгельгардт Достоевскому, рассказы Достоевского о встречах с Энгельгардт в письмах к жене (30, 171, 174) и экземпляр «Братьев Карамазовых» с дарственной надписью автора (30, 65). Как в доме Энгельгардтов появилась стенограмма и кто ее составлял, мы пока не знаем. Однако появление этого документа с высокой степенью вероятности — проявление особого отношения хозяйки дома к Достоевскому. И даже если речь идет о стенографировании ради упражнения, чтобы «набить руку», выбор текста должен считаться «говорящим» — ведь стенографист мог выбрать для этой цели абсолютно любой текст, но выбрал этот.

Возвращаясь к материалам комиссии Ланского, следует признать показания Анны Энгельгардт относительно Волковой недостоверными. В изложении Энгельгардт отношения молодой ученой с их семьей были сугубо деловыми: девушка пользовалась лабораторией, снимала жилье и брала уроки у хозяина дома за 15 рублей в месяц. В счет этих 15 рублей она исполняла обязанности домашней учительницы для сына Энгельгардтов Михаила. «С Волковой я виделась только за завтраком и за обедом, а в остальное время мы никогда не бывали вместе, так что хотя я и жила с ней под одной крышей, но очень мало, в сущности, знаю ее»⁶⁸. Сложно поверить в то, что, имея столь много общих интересов и устремлений, две женщины нигде более не встречались и не общались между собой.

Имели ли шанс познакомиться Волкова и чета Достоевских, вопрос открытый. Что мы знаем наверняка, это то, что в конце 1870 г.

⁶⁵ Мазовецкая Э.И. Анна Энгельгардт. С. 48–49.

⁶⁶ См.: Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: В 20 т. М., 1970. Т. 9. С. 412–413. См. также: Пантелеев Л.Ф. Воспоминания. С. 451.

⁶⁷ Штакеншнейдер Е.А. Дневник и записки (1854–1886). М., 1934. С. 437–440.

⁶⁸ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 434. Ч. 1. Л. 194 об. — 195.

писатель находится в Дрездене, где интенсивно работает над замыслом «Жития великого грешника»⁶⁹ и, конечно, следит за политической жизнью на родине. Хорошо известна принципиальная позиция писателя по женскому вопросу и его горячее сочувствие новому поколению женщин, заявившему о себе в пореформенную эпоху, личное знакомство с сестрами Корсини и Н. П. Суловой, длительные и сложные отношения с ее сестрой Аполлинарией⁷⁰. Наконец, отдельная большая тема — это фигура Достоевского в контексте разнообразных народнических течений. Стереотипный идеологический портрет писателя, как правило, предполагает такие черты, как консерватизм, «*антиингилизм*», известные симпатии к славянофильским доктринам. Однако еще А. С. Долинин поднимал вопрос о возможности сблизить между собой антикапиталистический пафос публицистики Достоевского и народников⁷¹. Мысль Долинина подхватывает и заостряет А. Валицкий, для которого консервативный антибуржуазный утопизм Достоевского и революционный антибуржуазный утопизм народников — две стороны одной медали. Польский историк находит параллели даже между отдельными местами из Достоевского и из Маркса⁷². Попытки рассмотреть взгляды писателя сквозь призму консервативного народничества, впрочем, предпринимались еще его современниками⁷³.

Учение А. Н. Энгельгардта, к практическому осуществлению которого он приступил в своем батищевском заточении, по всей вероятности, занимало Достоевского. Став живым знаменем так называемого *культурного народничества*, Энгельгардт призывал к диалогу между интеллигенцией и крестьянством, при котором крестьянин учится быть грамотным хозяином на своей земле, а интеллигент вливается в крестьянскую массу, овладевает азами земледельческого труда и сам привносит в деревню знания и культурные ценности. Мы знаем, что в середине апреля 1878 г. Достоевский делает пометку: «*Прочесть <...> Энгельгардта из деревни*» (27, 115). Несомненно, это намерение не было спонтанным — оно возникло в начале работы над «Братьями Карамазовыми» и явилось результатом размышлений и поисков. Таким образом, можно говорить не только о биографических, но и об идейных нитях, связующих между собой писателя и семейство Энгельгардтов.

---

⁶⁹ См., например, письма Достоевского к Н. Н. Страхову от 9 (21) октября и 2 (14) декабря 1870 г. (29₁, 148–153).

⁷⁰ См., например: *Сосновская О. А.* Вольнослушательницы университетов начала 1860-х годов из окружения Достоевского // *Неизвестный Достоевский*. 2017. №4. С. 57–77.

⁷¹ *Долинин А. С.* Достоевский и Герцен [1922] // *Долинин А. С.* Достоевский и другие: Статьи и исследования о русской классической литературе. Л., 1989. С. 121.

⁷² См.: *Валицкий А.* В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства. М., 2019. С. 619–623.

⁷³ См., например: *Оболенский Л. Е.* Народники и г. Достоевский, бичующие либералов [1880] // *Культурное народничество 1870–1900-х гг.: хрестоматия*. Воронеж, 2016. С. 62–64.

Именно в этом кругу мы обнаруживаем осенью–зимой 1870 г. А.Ф. Волкову. Именно в этом кругу появляется стенографический документ, требующий, как мы надеялись показать, специального исследования.

В финале наших размышлений над темой хотелось бы выделить еще один существенный аспект изучения «волковской стенограммы». Расшифровав этот текст, определив, какая стенографическая система была использована при записи, кем и какой фрагмент романа застенографирован, мы вплотную подойдем к проблеме *рецепции* идей и творчества Ф.М. Достоевского в среде шестидесятников. Эта проблема представляется одной из самых трудных, что придает указанному тексту документу особое значение. Не только сам писатель оказывался в сложных отношениях отталкивания-притяжения с народническим идеалом, но и представители народнического поколения порой испытывали потребность в Достоевском. Достаточно вспомнить переписку с ним А.П. Прибылевой-Корбы в 1876–1877 гг.⁷⁴

Должна существовать причина, по которой и А.Ф. Волкова — талантливая ученая, бескорыстный педагог и сотрудница педагогической прессы, инициативная участница женского движения, обратилась к роману Ф.М. Достоевского.

Наша задача на сегодняшний день — найти пропущенное логическое звено между двумя точками.

Библиографический список

- Андрианова И. С., Сосновская О. А.* Стенографическая система Анны Достоевской: Проблема дешифровки // *Неизвестный Достоевский*. 2018. № 1.
- Аптекман О. В.* Зачатки культурного народничества в 70-х годах // *Историко-революционный сборник*: В 3 т. М.; Пг., 1924. Т. 1.
- Баренбаум И. Е.* Из истории русских прогрессивных издательств 60-х — 70-х гг. XIX века (женская издательская артель М.В. Трубниковой и Н.В. Стасовой) // *Книга*. М., 1965. Вып. 11.
- Валицкий А.* В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русско-славянофильства. М., 2019.
- Валькова О. А.* Штурмующая цитадель науки: женщины-ученые Российской империи. М., 2019.
- Водовозова Е. Н.* На заре жизни. Воспоминания. СПб., 1911.
- Володин А. И., Итенберг Б. С.* Лавров. М., 1981.
- Дионесов С. М. В. А. Кашеварова-Руднева* — первая русская женщина — доктор медицины. М., 1965.
- Долинин А. С.* Достоевский и Герцен (К изучению общественно-политических воззрений Достоевского) // *Долинин А. С. Достоевский и другие: Статьи и исследования о русской классической литературе*. Л., 1989.

---

⁷⁴ См.: *Неизданные письма к Достоевскому // Достоевский. Материалы и исследования*. СПб., 1996. Т. 12. С. 227–237.

- Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990. Т. 27, 29₁, 30₁, 30₂.
- Ильина А. А.* История библиотеки Черкесова. СПб., 1995.
- Кириллов В. Л.* Революционный терроризм, которого не было: Тайное общество «Сморгонская академия» в русском революционном движении 1860-х гг. М., 2016.
- Козьмин Б. П.* Артельный журнал «Век» // Козьмин Б. П. Из истории революционной мысли в России. Избранные труды. М., 1961.
- Коленко А.* Воспоминания о Петербургском Земледельческом и Лесном институте в период времени 1869 и 1870 гг. // Известия Ленинградского Лесного института. Л., 1929. Вып. 37.
- Корнилова-Мороз А. И.* Перовская и кружок чайковцев // Революционеры 1870-х годов: Воспоминания участников народнического движения в Петербурге. Л., 1986.
- Кулябко-Корецкий Н. Г.* Из давних лет: воспоминания лавриста. М., 1931.
- Кучеров М.* Памяти П. А. Лачинова // Журнал русского физико-химического общества. 1892. Т. 24. Вып. 8.
- Мазовецкая Э. И.* Из истории переводов Э. Золя в России (А. Н. Энгельгардт) // Русская литература. 1974. № 1.
- Мазовецкая Э. И.* Анна Энгельгардт. СПб., 2001.
- Медведский Н.* Очерки по истории участия Лесного института в революционном движении. За четыре десятилетия // Известия Ленинградского Лесного института. Л., 1929. Вып. 37.
- Мечников И. И.* Этюды оптимизма. М., 1988.
- Мусабеков Ю. С.* Юлия Всеволодовна Лермонтова (1846–1919). М., 1967.
- Мусабеков Ю. С.* Первые русские женщины-химики // Химия и жизнь. 1968. № 3.
- Неизданные письма к Достоевскому / Подг. и комм. С. А. Ипатовой, А. В. Архиповой // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 1996. Т. 12.
- Нечуятов П. Я.* Александр Николаевич Энгельгардт. Очерк жизни и деятельности. Смоленск, 1957.
- Никитенко А. В.* Дневник: В 3 т. М., 1956. Т. 3: 1866–1877.
- Оболенский Л. Е.* Народники и г. Достоевский, бичующие либералов // Культурное народничество 1870–1900-х гг.: хрестоматия. Воронеж, 2016.
- Пантелеев Л. Ф.* Воспоминания. М., 1958.
- Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. соч.: В 20 т. М., 1965–1977. Т. 9, 18. Кн. 2.
- Сосновская О. А.* Вольнослушательницы университетов начала 1860-х годов из окружения Достоевского // Неизвестный Достоевский. 2017. № 4.
- Стасов В. В.* Надежда Васильевна Стасова. Воспоминания и очерки. СПб., 1899.
- Стенографические записи А. Г. Достоевской: Новые материалы и исследование. [Электронный ресурс]. URL: https://petrus.ru/page/science/science_projects/stenograficheskie-zapisi-a-g-dosto (дата обращения: 31.07.2019).
- Троицкий Н. А.* Софья Львовна Перовская. Жизнь. Личность. Судьба. М.; Саратов, 2018.
- Фаресов А. И.* Александр Николаевич Энгельгардт // Фаресов А. И. Семидесятники. Очерки умственных и политических движений в России. СПб., 1905.
- Чайковский Н. В.* Религиозные и общественные искания. Париж, 1929.

- Шелгунов Н. В.* Воспоминания // Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л. Воспоминания: В 2 т. М., 1967. Т. 1.
- Штакенинейдер Е. А.* Дневник и записки (1854–1886). М., 1934.
- Энгельгардт А. Н.* Из деревни. 12 писем. СПб., 1999.
- Юрьев М. М.* Памяти Петра Григорьевича Лосева // Известия Ленинградского Лесного института. Л., 1927. Вып. 35.
- Creese M. R. S.* Early Women Chemists in Russia: Anna Volkova, Iuliia Lermontova, and Nadezhda Ziber-Shumova // Bulletin for the History of Chemistry. 1998. Т. 21.

Kravchuk I. A.

WHAT CAN “THE VOLKOVA’S STENOGRAPH” TELL?

Key words: F. M. Dostoevsky, GA RF, “The Idiot”, stenograph, A. F. Volkova, A. N. Engelhardt, women’s movement, reception, Russian populism.

The article considers the problem of textological and historico-literary interpretation of the Dostoevsky’s novel’s “The Idiot” anonymous shorthand record which resides in the State Archive of the Russian Federation (GA RF). The stenograph still remains undeciphered. The record is found in the case of Anna Fyodorovna Volkova — a young woman, who was an externe in the chemistry lab of the professor Alexander Engelhardt and was arrested together with him and his wife Anna Engelhardt. The article partly reconstructs the biography of Volkova, as well as her personal connections with the Engelhardt family; also the rest case papers of the Saint-Petersburg Agricultural Institute (School of Forestry) are considered. The author substantiates the necessity of decipher and further examination of the record for it is a valuable source that tells us about the Dostoevsky’s reception by the men of the sixties.

References

- Andrianova I. S., Sosnovskaya O. A. Stenograficheskaya sistema Anny Dostoevskoj: problema deshifrovki. *Neizvestnyj Dostoevskij*. 2018. N 1. P. 43–67.
- Aptekman O. V. Zachatki kul’turnogo narodnichestva v 70-kh godakh. *Istoriko-revoljucionnyj sbornik: In 3 vol.* Vol. 1. Moscow, Petrograd, 1924.
- Barenbaum I. E. Iz istorii russkikh progressivnykh izdatel’stv 60-kh — 70-kh gg. XIX veka (zhenskaya izdatel’skaya artel’ M. V. Trubnikovoj i N. V. Stasovoj). *Kniga*. Iss. 11. Moscow, 1965. P. 223–241.
- Creese M. R. S. Early Women Chemists in Russia: Anna Volkova, Iuliia Lermontova, and Nadezhda Ziber-Shumova. *Bulletin for the History of Chemistry*. 1998. Т. 21. P. 19–24.
- Dionesov S. M. *V. A. Kashevarova-Rudneva — pervaya russkaya zhenshhina — doktor meditsiny*. Moscow, 1965.
- Dolinin A. S. Dostoevskij i Gertsen (K izucheniyu obshhestvenno-politicheskikh vozzrenij Dostoevskogo). Dolinin A. S. *Dostoevskij i drugie: Stat’i i issledovaniya o russkoj klassicheskoj literature*. Leningrad, 1989.

- Dostoevskij F. M. *Polnoe sobranie sochinenij: In 30 vol.* Leningrad, 1972–1990. Vol. 27, 29 (2), 30 (1, 2).
- Engel'gardt A. N. *Iz derevni. 12 pisem.* St. Petersburg, 1999.
- Faresov A. I. Aleksandr Nikolaevich Engel'gardt. *Faresov A. I. Semidesyatniki. Ocherki umstvennykh i politicheskikh dvizhenij v Rossii.* St. Petersburg, 1905.
- Il'ina A. A. *Istoriya biblioteki Cherkasova.* St. Petersburg, 1995.
- Kirillov V. L. *Revoljucionnyj terrorizm, kotorogo ne bylo: Tajnoe obshhestvo "Smorgonskaya akademiya" v rusском revoljucionnom dvizhenii 1860-kh gg.* Moscow, 2016.
- Kolenko A. Vospominaniya o Peterburgskom Zemledel'cheskom i Lesnom institute v period vremeni 1869 i 1870 gg. *Izvestiya Leningradskogo Lesnogo instituta.* Iss. 37. Leningrad, 1929.
- Kornilova-Moroz A. I. Perovskaya i kruzhok chajkovtsev // *Revoljucionery 1870-kh godov: Vospominaniya uchastnikov narodniceskogo dvizheniya v Peterburge.* Leningrad, 1986.
- Koz'min B. P. Artel'nyj zhurnal "Vek". Koz'min B. P. *Iz istorii revoljucionnoj mysli v Rossii. Izbrannye trudy.* Moscow, 1961.
- Kucherov M. Pamyati P. A. Lachinova. *Zhurnal Russkogo Fiziko-Khimicheskogo obshhestva.* 1892. Vol. 24. Iss. 8.
- Kulyabko-Koretskij N. G. *Iz davnikh let: vospominaniya lavrista.* Moscow, 1931.
- Mazovetskaya E. I. *Iz istorii perevodov E. Zolya v Rossii (A. N. Engel'gardt). Russkaya literatura.* 1974. N 1.
- Mazovetskaya E. I. *Anna Engel'gardt.* St. Petersburg, 2001.
- Mechnikov I. I. *Etyudy optimizma.* Moscow, 1988.
- Medvedskij N. Ocherki po istorii uchastiya Lesnogo instituta v revoljucionnom dvizhenii. *Za chetyre desyatiletija. Izvestiya Leningradskogo Lesnogo instituta.* Issue XXXVII. Leningrad, 1929.
- Musabekov Yu. S. Pervye russkie zhenshiny-khimiki. *Khimiya i zhizn'.* 1968. N 3.
- Musabekov Yu. S. *Yuliya Vsevolodovna Lermontova (1846–1919).* Moscow, 1967.
- Nechuyatov P. Ya. *Aleksandr Nikolaevich Engel'gardt. Ocherk zhizni i deyatel'nosti.* Smolensk, 1957.
- Neizdannye pis'ma k Dostoevskomu. *Dostoevskij. Materialy i issledovaniya.* Vol. 12. St. Petersburg, 1996.
- Nikitenko A. V. *Dnevnik: V 3 t. T. 3. 1866–1877.* Moscow, 1956.
- Obolenskij L. E. Narodniki i g. Dostoevskij, bichuyushhie liberalov. *Kul'turnoe narodnicesstvo 1870–1900-kh gg.: khrestomatiya.* Voronezh, 2016.
- Panteleev L. F. *Vospominaniya.* Moscow, 1958.
- Saltykov-Shchedrin M. E. *Sobranie sochinenij: In 20 Vol.* Moscow, 1965–1977. Vol. 9, 18 (2).
- Shelgunov N. V. Vospominaniya. *Shelgunov N. V., Shelgunova L. P., Mikhajlov M. L. Vospominaniya: In 2 vols.* Vol. 1. Moscow, 1967.
- Shtakenshejder E. A. *Dnevnik i zapiski (1854–1886).* Moscow, 1934.
- Sosnovskaya O. A. Vol'noslushatel'nitsy universitetov nachala 1860-kh godov iz okruzheniya Dostoevskogo. *Neizvestnyj Dostoevskij.* 2017. N 4.
- Stasov V. V. *Nadezhda Vasil'evna Stasova. Vospominaniya i ocherki.* St. Petersburg, 1899.

- Stenograficheskie zapisi A. G. Dostoevskoj: Novye materialy i issledovaniya* (URL: https://petsru.ru/page/science/science_projects/stenograficheskie-zapisi-a-g-dostoevskoi).
- Tchajkovskij N. V. *Religioznye i obshhestvennye iskanija*. Paris, 1929.
- Troitskij N. A. *Sof'ya L'vovna Perovskaya. Zhizn'. Lichnost'. Sud'ba*. Moscow; Saratov, 2018.
- Val'kova O. A. *Shturmuya tsitadel' nauki: zhenshiny-uchenye Rossijskoj imperii*. Moscow, 2019.
- Vodovozova E. N. *Na zare zhizni. Vospominaniya*. St. Petersburg, 1911.
- Volodin A. I., Itenberg B. S. *Lavrov*. Moscow, 1981.
- Walicki A. *V krugu konservativnoj utopii. Struktura i metamorfozy russkogo slavyanofil'stva*. Moscow, 2019.
- Yur'ev M. M. Pamyati Petra Grigor'evicha Loseva. *Izvestiya Leningradskogo Lesnogo instituta*. Iss. 35. Leningrad, 1927.